

УДК 373.3/5.014.54

DOI: 10.25688/2312-6647.2023.37.3.01

Суслов И. Д.

Московский городской педагогический университет
suslovid758@mgpu.ru

Карабанова О. В.

Московский городской педагогический университет
karabanovaov@mgpu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ЦИФРОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается изменение подходов понимания феномена цифрового кочевничества (цифрового номадизма) и цифровой миграции. Цифровизация трудовой деятельности посредством внедрения ИК-технологий позволила существенно упростить процессы производства и трансформировать понимание способов осуществления трудовой деятельности. Появление первых цифровых кочевников было зафиксировано в середине 80-х годов XX века и связано с изменением уровня доступности персональных компьютеров, но массовость этот феномен приобрел на стыке XX–XXI веков ввиду уменьшения цен на цифровые устройства и в эпоху коронавирусной инфекции. Авторами статьи затрагивается развитие понятийного аппарата в области цифровой миграции: цифровой абориген, цифровой кочевник, цифровой мигрант, цифровая диаспора. На основании изучения понятийного аппарата и опыта классификации цифровых мигрантов как отечественными, так и зарубежными учеными была произведена характеристика групп цифровых кочевников: по занятости, местоположению и степени мобильности — и составлена иерархическая модель цифровых людей. Учитывая особенности взаимодействия цифровых кочевников, в статье рассмотрены признаки цифровой диаспоры и черты членов таких сообществ. Рассмотрена необходимость привлечения цифровых кочевников для физического нахождения на территории страны с целью притока экономического и человеческого капитала.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, фриланс, цифровая миграция, цифровые кочевники, цифровые аборигены, цифровая диаспора, цифровая занятость, цифровое общество.

UDC 373.3/5.014.54

DOI: 10.25688/2312-6647.2023.37.3.01

Suslov I. D.

Moscow City University
suslovid758@mgpu.ru

Karabanova O. V.

Moscow City University
karabanovaov@mgpu.ru

TRANSFORMATIONS OF APPROACHES TO UNDERSTANDING OF DIGITAL MIGRATIONS

Abstract. This article studies the changing approaches to understanding the phenomenon of digital nomadism (digital nomadism) and digital migration. Digitalization of labor through the introduction of IR technologies has made it possible to simplify production processes significantly and transform the understanding of ways to carry out labor activity. The appearance of the first digital nomads dates from mid-80-s of the XX century and it is associated with a change in the availability of personal computers, but this phenomenon became widespread at the turn of the XX–XXI century due to a decrease in prices for digital devices and in the era of coronavirus infection. The authors of the article discuss the development of the conceptual device in the field of digital migration: digital aborigine, digital nomad, digital migrant, digital diaspora. Based on the study of the conceptual device and the experience of classifying digital migrants by both Russian and foreign scientists, the groups of digital nomads were characterized: by employment, location and degree of mobility, and a hierarchical model of digital people was compiled. Taking into account the peculiarities of the interaction of digital nomads, the article considers the signs of the digital diaspora and the traits of members of such communities. The necessity of attracting digital nomads for physical presence on the territory of the country for the purpose of drift of economic and human capital is considered.

Keywords: digitalization, digital economy, freelancing, digital migration, digital nomads, digital aborigines, digital diaspora, digital employment, digital society.

Глобальный сдвиг в пользу цифровой компьютеризированной индустрии, основанной на трансфере информации, установил новую парадигму, характерными чертами которой являются широкие возможности свободно, мгновенно передавать и принимать информацию. Динамичное развитие компьютерных технологий и использование их в различных сферах человеческой деятельности в 70–80-х годах XX века позволили существенно упростить, автоматизировать и повысить производственный процесс за счет совершенствования вычислительной техники и средств передачи информации. Основопологающим фактором цифровой трансформации рабочих процессов является увеличение количества пользователей сети Интернет и перенос решения задач, связанных с профессиональной деятельностью людей, из реального мира в виртуальный, а повышение доступности структурированной информации — за счет сбора, хранения, аккумуляирования и грамотного распределения данных.

Новые открытия в сферах человеческой жизни и улучшение социально-экономического положения граждан не обошлись без цифровизации определенного вида работ, поскольку доступность персональных компьютеров и устройств для выхода в Интернет значительно увеличилась на рубеже XX–XXI веков. Документооборот в отдельных фирмах в большей степени стал осуществляться с помощью технологий быстрой передачи данных, а придание электронным документам юридической силы стало доступно с помощью внедрения технологий электронной цифровой подписи (простой, неквалифицированной и квалифицированной). Наравне с этим мировая экономика столкнулась с новым явлением, синтезирующим элементы трудовой и туристической деятельности, которое получило сначала название гибкой/подвижной занятости и фриланса. Последний термин в большей степени использовался для обозначения категории трудящихся, имеющих контракт с работодателем, но не имеющих постоянной занятости или работы и осуществляющих трудовую деятельность из дома, т. е. не покидающих пределы своего города/поселения [10].

Использование в работе баз данных больших объемов, хранящихся на цифровых носителях, в цифровую эпоху, обуславливается наличием скоростного интернета и персонального компьютера (ноутбука). Результатом стремительного сокращения необходимого оборудования в рабочем процессе привело к увеличению количества людей, готовых и способных работать удаленно. К апробации феномена дистанционной работы можно отнести период коронавирусной инфекции (COVID-19), когда был произведен полный или частичный переход сотрудников в дистанционный режим работы. После завершения острой стадии пандемии коронавирусной инфекции участились случаи нежелания выходить на работу в режиме офлайн, а организации увеличили количество вакансий, предусматривающих удаленный способ работы. Учет современных экономических тенденций затронул изменения в Трудовом кодексе РФ и Федеральном законе «Об образовании в РФ». Ввод трудового договора, предусматривающего дистанционный режим работы и расширение юридического статуса дистанционного образования, позволил беспрепятственно осуществлять как трудовую, так и образовательную деятельность. Это привело к трансформации понятия традиционного рабочего/учебного места, поскольку большому количеству работников/учащихся не нужно посещать офис компании / образовательное учреждение, в которой они работают/учатся, а электронный документооборот позволяет решать в короткие сроки вопросы юридического характера. Удаленная работа становится приоритетнее для соискателей таких профессий, как: программист, веб-разработчик, интернет-маркетолог, менеджер проектов, тестировщик, 3D-дизайнер, SMM-специалист, учитель и др. Расстановка приоритета дистанционной формы трудовой деятельности стало следствием, вызванным развитием информационно-коммуникационных технологий и развития нового поколения людей, коммуникация которых производится с использованием достижений человечества в области цифровых

технологий. Американский писатель М. Пренски в 2001 году в своей работе *Digital Natives, Digital Immigrants*¹ ввел новый термин «цифровые аборигены», характеризующий поколение людей, родившихся после цифровой революции и привыкших получать информацию через цифровые каналы. Основанием для разработки нового определения послужил разрыв эпох в результате неравномерной степени компьютеризации и цифровизации общества, поскольку поколение информационной эпохи говорит на языке, отличном от языка предшественников. Характерными признаками цифровых аборигенов / цифровых людей являются следующие аспекты:

- привычка быстро и легко получать качественную информацию;
- стремление к многозадачности и интерактивности учебных и рабочих процессов;
- систематический мониторинг информационных каналов и отслеживание изменений;
- алгоритмизация процесса поиска информации в виртуальной сети;
- уровень восприятия информации в большей степени сосредоточен на фото/видеоматериалах;
- постоянное поддержание социальных связей и эмоциональных контактов;
- выборочная концентрация внимания;
- стремление к самосовершенствованию и саморазвитию.

В частности, согласно теории поколений² У. Штрауса и Н. Хау, коренными жителями цифрового мира являются люди, родившиеся с 1997 по 2012 год, и представители данного поколения активно используют цифровые технологии: планшеты, VR и 3D-реальность. Термин «поколение Z» зачастую рассматривается в качестве синонима термина «цифровой человек». В своем исследовании «Черты интернет-поведения российских “цифровых аборигенов”» Д. В. Руденкин выявил, что чаще всего представители цифрового общества пользуются Интернетом для поиска информации, общения, просмотра видео, учебы и работы. Порядка 98 % опрошенных относят себя к активным интернет-пользователям, это говорит о показательности и многогранности интернет-активности, которая обнаружилась у опрошенных: в среднем каждый из них назвал не менее трех конкретных целей использования Интернета, причем среди таких целей звучали не только развлекательные, но и утилитарные, бытовые активности. Можно отметить, что у цифровых аборигенов нет определенного стереотипа, касаемого постоянного места жительства. Одной из важных характеристик цифрового человека является высокий уровень мобильности, достигнутый за счет обеспечения развитой системы передачи данных, доступности цифровых устройств и роста запроса на разработку

¹ *Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants* [Электронный ресурс] // MCB University Press. Vol. 9, № 5. October 2001. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).

² Теория, разработанная Уильямом Штраусом и Нилом Хау и описывающая повторяющиеся поколенческие циклы в истории США.

IT-продуктов со стороны общества. Столь высокий мобильный статус цифровых аборигенов позволяет проживать и осуществлять трудовую деятельность не только в разных субъектах одного государства, но и на территориях разных стран.

Развитие новой формы миграции в современном мире привело к появлению цифрового кочевничества. Кочевые народы прошлого перемещались с одного пастбища на другое, обретая новые благоприятные уголья для ведения сельского хозяйства. Кочевники современности перемещаются из одной зоны комфорта в другую, только в отличие от предшественников делают они это в виртуальной среде и используют достижения ИК-технологий. Сам феномен цифрового номадизма стал результатом внедрения мобильных технологий в повседневную жизнь и различные типы рабочих условий. Кочевников прошлого и современных (цифровых) кочевников связывает отсутствие привязанности к постоянному месту жительства и регулярный поиск рабочего места в цифровом пространстве.

Впервые термин «цифровой кочевник» использовали Ц. Макимото и Д. Мэннерс в книге с одноименным названием, которая была опубликована более двух десятилетий назад. В ней авторы предсказали, что многие люди в будущем будут работать, находясь «в постоянном движении». Однако еще до появления этой книги многие исследователи (к примеру, Ж. Аттали, З. Бауман, Ж. Делез и Ф. Гваттари, У. Митчелл и др.) начали обращаться к образу кочевников, полагая, что именно кочевое состояние является одной из тех характеристик, которая способна в полной мере отразить новые важные тенденции развития современного мира [2, с. 39]. Исходя из этого факта, были сформулированы термины «цифровой мигрант» и «цифровая миграция», характеризующие цифровое поколение. Данные термины вошли в исследовательское поле, наполняясь различными смыслами. С. Марино дает характеристику цифровой миграции как цифровому единению, Л. Балдассар с соавторами — как виртуальной близости. С точки зрения Э. Саху и Дж. Круиджфа, цифровую миграцию можно трактовать как транснационализм онлайн [1, с. 105]. Но помимо термина «цифровой мигрант» активно используется термин «цифровой кочевник / номад». В таблице 1 приведены формулировки этого определения.

Поскольку дескриптивные определения не позволяют однозначно дифференцировать цифровых кочевников и других мобильных «продвинутых» IT-пользователей, то это требует их уточнения следующими дополнительными отличительными признаками:

- использование кочевых предметов и технологий;
- частое пребывание в третьих местах, оборудованных беспроводной связью: коворкингах, кафе, библиотеках и т. п.;
- стремление к свободе выбора (жизненных целей, способов и места работы и т. д.); независимость в выборе профессиональных задач и траектории своего кочевания;

Таблица 1

Определения термина «цифровой кочевник»

№	Определение	Автор(ы)
1	Те, кто сознательно отказался от оседлого образа жизни в пользу перемещения по миру вместе с тем, что составляет его жизнь. Они используют технологический прогресс, который позволяет им зарабатывать на жизнь, не теряя социальные связи и создавать себе комфортные условия существования	И. А. Караваяев
2	Люди, которые не зависят от местоположения и используют технологии для выполнения своей работы, ведя кочевой образ жизни. Цифровые кочевники работают удаленно, дистанционно, а не физически присутствуют в штаб-квартире или офисе компании	А. Хейс
3	Категория мобильных профессионалов, которые выполняют свою работу удаленно из любой точки мира, используя цифровые технологии	Ц. Макимото, Д. Мэннерс
4	Люди, не зависящие от местоположения и использующие технологии для выполнения своей работы, ведущие кочевой образ жизни. Цифровые кочевники работают удаленно вместо того, чтобы физически присутствовать в штаб-квартире или офисе компании	Финансовая энциклопедия

- признание ценности знаний;
- владение кочевым языком (определенными аббревиатурами, языковыми сокращениями, визуальными кодами и т. д.);
- способность к коллаборации;
- вхождение в те или иные виртуальные сообщества;
- ощущение себя гражданами мира, принадлежащими к самой передовой части постиндустриального общества;
- нетерпимость к любым проявлениям какой-либо дискриминации (расовой, гендерной, религиозной и т. д.) [7, с. 204].

В зависимости от формата работы кочевников принято подразделять на следующие группы:

- фрилансеры (работающие по найму, но не на постоянной основе);
- предприниматели (которые создают, развивают и ведут собственный бизнес онлайн);
- удаленные сотрудники, работающие на постоянной основе в компании [6].

Первая категория цифровых кочевников предполагает использование фриланса как дополнительного источника дохода и характеризуется следующими особенностями:

- самоорганизация труда, включающая поиск клиентов, выполнение работы, получение прибыли и уплата налогов;
- отсутствие постоянных клиентов или периодическая работа только с одним постоянным клиентом;

- работа по гражданско-правовому договору или на основании других договоренностей;
- отсутствие регламентированного рабочего дня;
- отсутствие постоянного дохода и технических заданий;
- более высокая степень мобильности по сравнению с другими категориями цифровых кочевников и др.

Вторая категория цифровых нómáдов более ответственно подходит к осуществлению трудовой деятельности в цифровом пространстве. Они являются предпринимателями и организуют бизнес-процессы в виртуальной и реальной среде. Отличительными особенностями цифровых предпринимателей являются:

- восприятие своей деятельности как основного источника доходов;
- более низкая цифровая мобильность, чем у фрилансеров и сотрудников, работающих на постоянной основе;
- преобладание постоянных клиентов над новыми;
- отсутствие регламентированного рабочего дня у руководителя (предпринимателя);
- стабильный доход от осуществления предпринимательской деятельности;
- использование преимущественно третьей категорией цифровых кочевников в рабочем процессе и др.

Третья категория цифровых кочевников является постоянными исполнителями технических заданий. Свою работу в цифровой среде рассматривают как основной источник дохода. К характерным чертам данной категории можно отнести следующие отличия:

- уровень цифровой мобильности находится между фрилансерами и цифровыми предпринимателями;
- постоянное выполнение технических заданий одного типа;
- наличие регламентированного рабочего дня;
- стабильный доход от осуществления трудовой деятельности;
- отсутствует самоорганизация труда и др.

Как можно заметить, все категории цифровых кочевников, в зависимости от формата работы, взаимодействуют друг с другом в той или иной степени. Предприниматели больше взаимодействуют с постоянными исполнителями, реже — с фрилансерами, а фрилансеры часто взаимодействуют с предпринимателями и постоянными работниками в цифровой среде. Помимо взаимодействия категорий, отличается и степень цифровой мобильности. Самая мобильная группа — фрилансеры, поскольку они не обязаны работать в одной организации или на одного человека. Категория предпринимателей является наименее мобильным классом, поскольку предприниматель работает на себя и свою организацию в виртуальной среде.

И. Райхенбергер выделяет три уровня цифрового кочевничества в зависимости от степени мобильности. Первый уровень включает тех индивидов,

которые могут работать независимо от своего местоположения, но при этом ограничены в перемещениях и остаются в привычной домашней среде [2, с. 44]. Кочевникам с высокой степенью цифровой мобильности характерны следующие черты:

- самостоятельная организация трудовой деятельности;
- могут работать в иностранных компаниях или компаниях, зарегистрированных на территории других субъектов страны проживания;
- имеют постоянное место жительства;
- расходы денежных средств, полученных за продажу своего труда, происходят преимущественно на территории постоянного места жительства;
- к данному уровню цифровой мобильности, в зависимости от формата работы кочевников, можно отнести категорию фрилансеров.

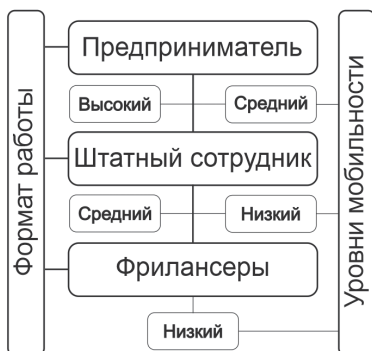
Второй уровень предполагает случайные и периодические поездки с последующим возвращением обратно, т. е. постоянное место жительства сохраняется, а путешествия ограничены определенными временными интервалами. Этот уровень можно назвать средним, поскольку цифровой человек осуществляет свою деятельность не только у себя дома, но и периодически за пределами региона или страны проживания. Характерными чертами лиц, относящихся к среднему уровню, являются:

- наличие постоянного места работы;
- периодически проживают и работают на территории других субъектов государства или на территории других государств;
- имеют постоянное место жительства;
- траты денежных средств осуществляются на территории места проживания и других субъектов государства;
- преимущественно выбирают местом для релокации регионы страны проживания;
- второй уровень мобильности цифровых кочевников в большей степени подходит для категории постоянных исполнителей, имеющих стабильный заработок и работу.

Третий уровень характеризуется постоянными путешествиями и перемещениями. Очень часто такие номады вообще не имеют постоянного места жительства, что делает их независимыми и открытыми к решению профессиональных задач из любой точки мира в любое время. Высокий уровень перемещения характерен следующим работникам виртуальной среды:

- наличие постоянного дохода;
- отсутствие постоянного места жительства;
- траты денежных средств осуществляются на территории мест непостоянного проживания;
- местами постоянных релокаций являются регионы с благоприятным климатом, стабильной политической обстановкой и высоким уровнем жизни;
- данный уровень характерен в большей степени для категории предпринимателей и постоянных исполнителей.

На основании изучения формата работы цифровых кочевников и уровней мобильности авторами была составлена иерархическая структура (рис. 1).

Источник: составлено авторами.

Рис 1. Иерархия цифровых кочевников

По типу миграции цифровых кочевников подразделяют на две категории: внутренняя миграция (перемещение в пределах регионов страны проживания) и внешняя миграция (перемещение в пределах регионов другого государства). Классификация цифровых кочевников по типу миграции напрямую связана с форматом работы и уровнем мобильности, поскольку кочевник, имеющий стабильный доход и самостоятельную организацию труда, будет выбирать для места проживания те регионы, в которых уровень жизни наиболее благоприятен для проживания и работы. Стоит учитывать, что цифровые кочевники способны перемещаться не только физически, но виртуально, что приводит к росту цифрового взаимодействия между цифровыми кочевниками. Эта связь подталкивает к формированию абсолютно новой формы сотрудничества, выраженной в применении социальных сетей и иных цифровых медиаслужб. На базе этих источников информации стали появляться первые объединения цифровых мигрантов. После эти сообщества переросли в цифровые диаспоры. Существует несколько определений термина «цифровая диаспора», которые базируются на фундаментальных понятиях использования виртуальных сообществ цифровых мигрантов информационно-коммуникационных технологий (новых технологий) для взаимодействия, общения, обменом новостями, идеями, местом публичных дискуссий и местом формирования отношений. Для поддержания статуса члена цифровой диаспоры / цифровой общины цифровому мигранту необходимо обладать следующими факторами:

- использовать соответствующие маркеры в жанрово-драматургической медийной схеме в оценке тех или иных реальных фактов, событий и отношений или виртуальных конструкторов;
- отражать факты и события в информационно-медийной сфере;
- конструировать индивидуальную идентичность в цифровой сфере;

– обладать ресурсами социальных, персонально-личностных и профессиональных профилей.

Цифровые диаспоры могут формироваться не только по национальному и религиозному признаку, но и по интересам. Одним из главных признаков цифровой диаспоры является наличие чата, сообщества, канала в социальных сетях / мессенджерах, с помощью которых осуществляется мгновенная передача информации и организовывается деятельность участников в цифровом пространстве.

Стоит учитывать, что с каждым годом количество специальностей, переходящих из онлайн-формата работы в офлайн, несоизмеримо увеличивается, а увеличение количества цифровых профессий напрямую коррелируется с ростом числа самих цифровых кочевников. Наличие цифрового капитала как движущей силы цифровых мигрантов позволяет преобразовывать знания ИК-технологий в другие виды капиталов: экономический, социальный, культурный и политический, — что впоследствии может положительно влиять не только на развитие цифровой экономики государства, но и экономику в целом. Для наиболее рационального использования физического и виртуального положения цифровых кочевников государству необходимо открывать образовательные IT-центры, привлекать специалистов из других стран для работы и обучения (физически и виртуально), минимизировать миграцию цифровых кочевников из страны путем создания благоприятных условий для проживания и работы на территории субъектов государства. Физическое нахождение цифровых мигрантов на территории страны позволит частично сохранять денежные средства и не допускать отток капитала (экономического и человеческого), что, в свою очередь, благоприятно скажется на развитии экономики, ИК-технологий, туризма и других отраслей экономики.

Список источников

1. Волков Ю. Г., Кривоусков В. В., Курбатов В. И. Цифровые мигранты и цифровая диаспора: новые проблемы и тренды международной миграции // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4. № 4. С. 102–108.
2. Добринская Д. Е. О феномене цифрового кочевничества // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2020. № 2. С. 37–59.
3. Дудин М. Н. Цифровые кочевники и их значение для современного рынка труда // *Экономика и социум: современные модели развития*. 2022. Т. 12. № 1. С. 29–38.
4. Пантыкина М. И. Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 475. С. 83–92.
5. Караваев И. А. Цифровой человек в социально-философском измерении // *Эволюция российского права: сб. ст. XX Международной науч. конференции молодых ученых и студентов*. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 968–975.
6. Кравченко В. В. Я хочу стать цифровым кочевником. С чего начать? [Электронный ресурс] // *Rusbase*. 2017 URL: <https://rb.ru/opinion/hochu-stat-kochevnikom/> (дата обращения: 09.04.2023).

7. Кужелева-Саган И. П. Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 1. С. 200–211.
8. Руденкин Д. В. Черты поведения российских «цифровых аборигенов»: выводы для системы образования // Социосфера. 2021. № 3. С. 65–73.
9. Яковлева Е. Л., Селиверстова Н. С., Григорьева О. В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 4. С. 226–241.
10. Hannonen O. In search of a digital nomad: defining the phenomenon // Information Technology & Tourism. 2020. № 3. P. 335–353.
11. Ponzanesi S., Leurs K. Digital Migration Practices and the Everyday // Communication, Culture and Critique. 2022. № 15. P. 103–121.
12. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. 2001. [Electronic resource]. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 09.04.2023).

References

1. Volkov Yu. G., Krivopuskov V. V., Kurbatov V. I. Digital migrants and digital diaspora: new problems and trends of international migration // Digital sociology. 2021. Vol. 4. № 4. P. 102–108.
2. Dobrinskaya D. E. About the phenomenon of digital nomadism // All-Russian Economic Journal ECO. 2020. № 2. P. 37–59.
3. Dudin M. N. Digital nomads and their significance for the modern labor market // Economy and society: modern models of development. 2022. Vol. 12. № 1. P. 29–38.
4. Pantykina M. I. Digital nomads as economic actors: features of socio-economic practice // Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 475. P. 83–92.
5. Karavaev I. A. Digital man in the socio-philosophical dimension // The Evolution of Russian law: Collection of Articles XX of the International Scientific Conference of Young Scientists and Students. Ekaterinburg: Ural State Uridic University, 2022. P. 968–975.
6. Kravchenko V. V. I want to become a digital nomad. How to start? [Electronic resource] // Rusbase. 2017. URL: <https://rb.ru/opinion/hochu-stat-kochevnikom/> (accessed: 09.04.2023).
7. Kuzheleva-Sagan I. P. General contours of the ontology of education in the era of new nomadism // Scientific and pedagogical review. 2020. № 1. P. 200–211.
8. Rudenkin D. V. Behavioral traits of Russian “digital aborigines”: conclusions for the education system // Sociosphere. 2021. № 3. P. 65–73.
9. Yakovleva E. L., Seliverstova N. S., Grigorieva O. V. The concept of an electronic nomad: risks of digital economy development // Actual problems of economics and law. 2017. Vol. 11. № 4. P. 226–241.
10. Hannonen O. In search of a digital nomad: defining the phenomenon // Information Technology & Tourism. 2020. № 3. P. 335–353.
11. Ponzanesi S, Leurs K. Digital Migration Practices and the Everyday // Communication, Culture and Critique. 2022. № 15. P. 103–121.
12. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. 2001 [Electronic resource]. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (accessed: 09.04.2023).

Информация об авторах / Information about authors

Суслов Илья Дмитриевич — аспирант Московского городского педагогического университета, Москва, Российская Федерация.

Suslov Ilya Dmitrievich — graduate student of the Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

suslovid758@mgpu.ru

Карбанова Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета, Москва, Российская Федерация.

Karabanova Olga Vladimirovna — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University, Moscow, Russian Federation.

karabanovaov@mgpu.ru